лекции PRO

ВВЕДЕНИЕ В ФИЛОСОФИЮ

А. В. Ахутин

ФИЛОСОФСКОЕ УМОРАСПОЛОЖЕНИЕ

Анатолий Валерианович Ахутин

Философское уморасположение. Курс лекций по введению в философию

Серия «ЛекцииPRO»

pdf предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31507221
А. В. Ахутин Философское уморасположение. Курс лекций по введению в философию:
ISBN 978-5-386-10054-4

Аннотация

Что такое философия и чем она отличается от науки, религии, мировоззрения, идеологии? В чем суть философского уморасположения, особого, уникального способа мыслить, который был изобретен в колыбели европейской цивилизации – Древней Греции? В авторском курсе лекций, прочитанных студентам РГГУ, философ и историк философии Анатолий Валерианович Ахутин раскрывает философию не как доступную только для специалистов академическую дисциплину, а как нечто доступное каждому в той мере, в какой он готов пуститься в увлекательнейшую и рискованную авантюру самостоятельной мысли.

Содержание

Nota bene 5
Предисловие 10
Лекция 1 23
Конец ознакомительного фрагмента. 54

А. В. Ахутин
Философское уморасположение
Курс лекций по введению в философию

Серия «ЛекцииPRO»

© Ахутин А. В., 2018
© Хаустов Д. С., дополнительные материалы, комментарии, 2018
© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2018

* * *

Моему сыну Федору

Nota bene

«Чьи только учения я ни слышал, никто не дошел до понимания, что мудрое ото всего отлично» (Гераклит).

«…Человек, если он подлинно философ, достойный этого имени и одаренный от бога, услыхав это, считает, что слышит об удивительной открывающейся перед ним дороге и что теперь ему нужно напрячь все силы, а если он не будет так делать, то не к чему и жить. <…> Его каждодневный образ жизни таков, что делает его в высшей степени внимательным, памятливым и способным мыслить и рассуждать; он ведет умеренную, трезвую жизнь, жизнь же противоположную этой он навсегда возненавидит. <…> Только если кто постоянно занимается этим делом и слил с ним всю свою жизнь, у него внезапно, как свет, засиявший от искры огня, оно возникает в душе и потом уже само себя питает» (Платон).

«Философия… всецело предоставлена свободной потребности субъекта. Ничто не побуждает последнего заниматься ею. Потребность в ней там, где она существует, должна, напротив, выдержать напор всякого рода заподазриваний и отсоветований. Существует лишь некая внутренняя необходимость, которая сильнее субъекта, – необходимость, которая не дает ему покоя и неустанно побуждает его дух двигаться

дальше. <…> Таким образом, не поощряемое со стороны никаким авторитетом, объявленное, напротив, чем-то излишним, опасным или, по крайней мере, сомнительной роскошью, занятие этой наукой тем более свободно, чем более его источником является лишь интерес к предмету и истине. <…> Основательный и глубокий интерес к ней уединен в себе и не криклив, обращаясь к внестоящим. Пустые и поверхностные умы быстро решают вопросы и спешат высказать свое мнение; но кто серьезно относится к предмету, который велик сам по себе и может быть удовлетворительно постигнут только путем полного его развертывания, требующего долгого и упорного труда, тот надолго погружается в предмет и изучает его в тиши» (Гегель Г.).

«Даже Бога должен оставить тот, кто хочет поставить себя в начальную точку истинно свободной философии. Здесь это значит: кто хочет это удержать, тот это потеряет, и кто это отдает, тот это найдет. Только тот достиг основания самого себя и познал всю глубину жизни, кто однажды все оставил и сам был оставлен всем, для кого все потонуло и кто увидел себя наедине с бесконечным: великий шаг, сравненный Платоном со смертью» (Шеллинг Ф.).

«Философ: это человек, который постоянно переживает необыкновенные вещи, видит, слышит, подозревает их, надеется на них, грезит о них, которого его собственные мысли поражают как бы извне, как

бы сверху и снизу, как привычные для него события и грозовые удары; который, быть может, сам представляет собою грозовую тучу, чреватую новыми молниями; это роковой человек, постоянно окруженный громом, грохотом и треском и всякими жутями. Философ: ах, существо, которое часто бежит от самого себя, часто боится себя, – но которое слишком любопытно для того, чтобы постоянно снова не „приходить в себя“, не возвращаться к самому себе» (Ницше Ф.).

«Где я? Кто я? Как я пришел сюда? Что это за вещь, которую называют миром? Что это слово значит? Кто тот, кто заманил меня в бытие и теперь покидает меня? Как я оказался в этом мире? Почему со мной не посоветовались, почему не познакомили с его обычаями, а просто сунули в один ряд с другими, как будто я был куплен у некоего „продавца душ“? Как я обрел интерес к этому большому предприятию, которое называется реальностью? И почему я вообще должен иметь интерес к нему? Что это, моя добровольная забота? И если я вынужден принять в нем участие, где директор? Я хотел бы сделать ему мои замечания. Никакого директора нет? Но к кому я тогда обращусь с моей жалобой? Существование, безусловно, есть полемика – и могу ли я просить, чтобы и моя точка зрения была принята к рассмотрению? Если нужно принять мир таким, каков он есть, не лучше ли было бы вовсе не узнавать, каков он?» (Кьеркегор С.).

«Мы философствуем не временами, но

постоянно и необходимо, поскольку мы существуем как человеки. Присутствовать в качестве человека, значит философствовать. Животное не может философствовать; Бог не нуждается в философствовании. Философствующий Бог не был бы Богом вообще, потому что существо философии в том, что она есть конечная возможность конечного человека» (Хайдеггер М.).

«С одной стороны, быть философом – это нечто идеально надменное. Философ – человек, существо, заново создающее мир, определяющее или хотя бы предполагающее всеобщность своего индивидуального мышления. Поразительная надменность, просто наглость! Где-то, если чуточку перейти грань, то это нечто, переходящее в шизофрению, в манию величия. Поэтому для философа исключительно важно сохранять глубокую иронию по отношению к самому себе и своему делу… И своему миру. И, вместе с тем, не отказываться от ощущения, что он действительно актуализирует какую-то, никем другим не актуализированную возможность всеобщего вечного бытия. <…>

Но с этим связана и вторая модальность, второе определение образа философа. Это – какая-то дикая уязвимость, невероятная беззащитность, неуверенность, сомнение… Философ творит мир „из ничего“, на кончике пера, в пределе воображения. И эту свою близость к Ничто всегда чувствует

настоящий философ. Он всегда чувствует близость этого Ничто, близость пустоты. Он, в этом плане, страшно беззащитен – и своим одиночеством, и своей жаждой вступать в общение с другими людьми. Его бытия, его мысли почти что нет – вот-вот… и начнется абсолютное небытие, вот-вот… и начнется бытие впервые… Нет существа более беззащитного и уязвимого, чем философ!» (Библер В.).

Предисловие

Эта книга содержит переработанные и расширенные лекции, которые я на протяжении ряда лет читал для первокурсников философского факультета РГГУ. Книга никогда не появилась бы на свет без великодушного и самоотверженного труда моих студентов и слушателей. Лекция сама по себе уже есть продукт сотрудничества говорящего и тех, к кому он обращается, кого заранее предвосхищает, чьи сомнения, вопросы, возражения соавторствуют в его слове. Если же говоримое записывается, затем расшифровывается и предоставляется автору на редакторскую доработку, сотрудничество несомненно. Поэтому прежде всего хочу от всей души поблагодарить моих щедрых сотрудников в создании этой книги, тех, чье участие мне известно: Сергея Баранова, Данилу Мещерякова, Дмитрия Рындина, Олесю Рындину и Дмитрия Хаустова.

Курс назывался «Введение в специальность» и был мною разделен на две части: «Философия как умораспoложение» и «Философия как специальность».

Здесь представлена только первая часть.

Мне казалось, что тем, кто собирается войти в своеобразное дело философии, важно с самого начала приметить и взять во внимание, что расположение человека к философии, ну и соответственно, само философское умораспoло-

жение особенное. Греки придумали для него слово «философия», и оба составляющих – «филия» и «софия» – значимы для его смысла. Стоит задуматься над этим, прежде чем спрашивать, как, где, почему в человеке вообще зарождается философская озадаченность, как наша мысль обращается в философскую. Прежде чем знакомить студентов с учениями, школами и направлениями, стоит вместе подумать о том, в каком «расположении духа» возникают вопросы, на которые они отвечают, рождаются замыслы, да и что, собственно, задумывается. Возможно, внимание к такому месторождению философии позволит вернее, адекватнее понять и смысл этих учений.

Первым делом мы обратим внимание на обстоятельство, с самого начала сопровождающее занятие философией, но обычно исчезающее в тени возводимых ею мирозданий, а именно: что обращает человека к этому странному занятию, что располагает его к философии, чем он тут захватывается? В XX веке этот оборот философского дела был замечен и продуман в экзистенциализме, но так и остался некой чертой, характерной будто бы только для этого направления.

Вообще-то любое занятие – ученого, политика, художника, – если оно развертывается как призвание, предполагает захваченность всего человеческого существа тем, что его призвало, вызвало к соучастию в деле. Это всегда – не только в *фило*-софии – филия-любовь. Призывается все существо и

ответ ожидается всем существом. Тогда вопрос: что же занимает философа или что и как зовет в призвании философа, что, следовательно, производит человека в философа своим вызовом? Пока мы знаем это только под смутным именем «София», мудрость. Знаем также, что «мудрость» имеет в виду каким-то образом все, в отсутствие же этого образа скорее не имеет в виду ничего особенного.

Итак, прежде чем очертится философское умораспoложение, мы имеем дело с неким умонастроением, даже просто настроением[1]. Мы подходим к границе, на которой философия соприкасается с лирикой. Лирика же граничит с философией, разумеется, не там, где поэт изрекает какие-то «мудрые мысли», а там, где сказывается, как все существо человека пронизано той озадаченностью, в которой философия узнает свою, но как некое лирическое волнение. Что же это за озадаченность? Каким образом то, к чему обращена филия-любовь, может озадачивать? Если мудрым человеком – в отличие от умного, сообразительного, знающего… – традиционно считается тот, кто некоторым образом хранит в себе общезначимое, будь это мудрое наставление или правый суд, значит ли это, что философ как раз общезначимым-то и озадачивается?

---

[1] М. Хайдеггер использует здесь значения слов, производных от der Stimme (голос): stimmen – быть в согласии, соответствовать, die Stimmung – настроение, расположение духа. По его примеру можно в русском «настроении» расслышать и «строй», и «настройку» (согласие) инструмента, и «настройку на» внимание.

Для начала мы доверимся (уже доверились) самому слову, которым философия наименовала себя в Древней Греции, пожалуй, в VI в. до н. э., и которым философия именует себя поныне. Слово это говорит о «филии», что значит «любовь», «стремление», «дружеское расположение». Говорится о любви к «софии», что мы переводим «мудрость», значит, философия по-русски будет любомудрие, но таким переводом мы, признаться, не очень разъяснили дело.

Некий намек, впрочем, тут дан. Кое-что это слово уже подсказывает, а именно: речь, во-первых, не о расположении к чему-то особому, а как-то ко всему; во-вторых, в отличие от космо-логии, социо-логии, психо-логии… философия все-таки не софиология. Правда, другое традиционное имя философии – метафизика, понять которую как науку, даже как высшую науку ничего не стоит, но мы пока поверим, что филия-любовь, называющая расположение ума, в котором развертывается философская мысль, имеет прямое отношение к тому, как эта мысль мыслит, а следовательно, и что она понимает. *Филия*, скажем мы, что-то иное, чем *логия* научных исследований, хотя и мир, и общество, и душа человека, и все «предметы» исследований как-то входят во внимание этой всеобъемлющей *филии*. Расположение познающего ума к предметам своего исследования не то, что расположение философской *филии*. Да и София, если присмотреться, какой-то странный – всеобъемлющий – «предмет», предмет в кавычках, а если не предмет, то что?

Возможно, слово «*филия*» называет некое ученическое расположение, и речь идет о стремлении к некой универсальной мудрости, данной в традиции, в мифе или религии? Тогда философия это занятия неофитов, которым предстоит ученически послушное посвящение в «мудрость»? Но какую? Посвящение ведь начинается с инициации: в нашем общем мире надо исчезнуть, чтобы родиться в мире софии. Какой? Мы ведь не религию выбираем, а философией имеем в виду заняться. Какой?

Легендарный Пифагор, который, говорят, первый назвал себя философом, кажется, так и объяснял это слово: «Мудры только боги, а мы – лишь любители мудрости». Так, в смысле посвящения в божественную мудрость это изречение и понимается, но при этом забывают, что легендарный Пифагор считался посвященным во все премудрости ойкумены, а исторический Пифагор был главой религиозной общины. Если так, назвав себя «фило-соф», а не «софос», Пифагор имел в виду не посвящение, положим, в свою мудрость, а, напротив, отстранение истинного любомудра ото всего, что у людей слывет за мудрость. Если это и посвящение, то в ревнивую любовь, не признающую притязаний традиционных мудростей на звание самой мудрости.

Первый урок – назовем его пифагорейским – будет для нас таким: философы посвящают не в мудрость, а в особое к ней расположение, дружеское, где между философом и софией сохраняется отношение дружбы других друг другу.

Соответственно, и воображаемая (или мыслимая) «община» философов может быть понята как содружество других друг другу друзей мудрости[2]. Если София освящена традицией, философ со своей любовью-стремлением размещается вне традиции, между традиций.

С этим связан и другой урок, а именно: философы не исследуют «мудрость», как теоретики свои предметы, напротив, они скорее исследуют то, каким образом мудрость, в свете которой теоретики (или богословы) ведут свои исследования, есть лишь возможная мудрость.

Парадокс философского умораспoложения в том, что это влечение, всерьез эротическое влечение, которое, однако, обращается в отстранение, отступление от любимого. Это влечение к любимому, стремящееся не овладеть им, а учредить в полноте его собственного – другого – бытия. Только в напряжении такого – отстраняющего – влечения вообще устанавливается умораспoложение теоретика (зрителя, умозрителя), оно обусловлено философски увлеченным вниманием. Однако, если теоретик рассматривает вещи в свете, уже так или иначе, естественно или сверхъестественно раскрытого мира, в свете его мудрости, то внимание философа

---

[2] Для краткости передам мысль игрою с этим словом: *друг* это и любящий, расположенный к тебе друг, и *другой*, любящий тебя не относительно себя (в меру пользы или удовольствия, получаемого от тебя), а абсолютно, ради твоего собственного, другого ему бытия. Чтобы опереться на авторитет, замечу, что примерно так содружество философов понимает Аристотель в «Никомаховой этике».

обращено вспять, оно эпистрофично (если воспользоваться термином неоплатоников). Внимание философии обращено к первоначалу, к тому, как полагаются (или предполагаются) основоположения, к источнику света.

Теперь может стать яснее суть того умораспoложения, что со времен Платона и Аристотеля считается началом философии, а именно удивления. Это удивление не чем-то в мире или по ту сторону, а самим миром как таковым, а именно его само-собой-разумеемостями, само-очевидностями, необходимостями. Тут вернее слово изумление, если умом считать тот, в котором существует все, разумеемое само собой. Пожалуй, и сума-сшествие.

Еще иным способом философское умораспoложение очерчивается, если принять во внимание его соотношение с соседями-конкурентами. Мы уже заметили такие границы с наукой, с поэзией, с традицией, теперь греческая философия подсказывает еще две: философ находится между «софосом»-мудрецом с одной стороны, и «софистом» – с другой. Это не столько конкуренты, сколько соблазны философа: строить метафизические мироздания, развертывать мировоззрения, как мудрец-софос, или же как софист-знаток, преподавать философские «доксы», заниматься критическим анализом текстов, риторикой и двусмыслицами философского языка, деконструкцией… В греческой философии ее влечение к превращению в метафизическую мудрость предельно представлено неоплатонизмом, а софисти-

ческая аналитика – скептицизмом. Граница с поэзией намечена трагедией, а граница с науками тем, что можно назвать апоретикой: раскрытием логических апорий (тупиков), кроющихся в фундаментальных теоретических понятиях (единица, точка, место, время, целое…).

Можно предполагать, что и в другие эпохи мы найдем соответствующие границы, очерчивающие собственное место философии.

Эпоха, именуемая Средневековьем, знакомит нас с другим положением философии – служебным. В любом мире, где господствует свет некой мудрости самой по себе, любовь к мудрости будет, мы уже говорили, педагогом, пропедевтом, просветителем в этой мудрости. В Новое время философия точно так же находится на службе, можно сказать, в положении служанки, на этот раз не богословия, а науки («наукоучение», гносеология, методология познания…). А что же у эллинов? Думаю, мы не сильно ошибемся, если скажем, вспоминая платоновское «Государство», что Платон мыслил ее на службе «политии», строительства благоустроенного сообщества.

Однако неуемное вопрошание, раз и навсегда расположившееся в сократической беседе, далеко уводит мысль от благонамеренных дел, судьба Сократа в «Государстве» Платона, кажется, была бы не менее плачевна, чем в демократических Афинах. Служебная роль философии лукава и опасна для господства тех господ, кто рискует нанять такую слу-

жанку. Кто берется что-то обосновать, тот подрывает основы.

В мире другой эпохи, другой – религиозной (христианской) – софии сократическому расспросу-допросу соответствует исповедь. «Исповедь» Августина это своего рода само-допрос перед лицом всевидящего Бога – и перед всеми людьми – но одновременно и расспрашивание Бога о нем самом. Если увидеть в «Исповеди» форму философского умораспoложения, придется признать, что философствование, где бы и когда бы оно ни велось, есть своего рода исповедь перед всеми, предельная откровенность, от которой ничто, никакие темные уголки души и закоулки мира не могут укрыться. Нет ничего более антифилософского, чем сокровенная мудрость, в философии мы со всем своим умом и его мудростями выходим на всеобщий позор. Можно сказать с отвагой и дерзостью Гегеля: «Сила духа лишь так велика, как велико ее внешнее проявление, его глубина глубока лишь настолько, насколько он отваживается распространиться и потерять себя в своем раскрытии»[3].

Декарт открыл другую грань философского умораспoложения, он обратил пристальность исповеди в методическое сомнение. Это не сомнение скептиков, а понимание самого знания как орудия сомнения. Здесь он наследник «науки незнания» Николая Кузанского. Мир раскрывается под

---

[3] *Гегель Г.* Феноменология духа. Предисловие // *Гегель Г.* Соч. Т. IV. М. 1959. С. 5.

взором тотального сомнения как безмерная, неведомая и посторонняя (вот уж поистине другая) мыслящему (=сомневающемуся) человеку-субъекту реальность. Между неведомой реальностью и реальностью сомневающегося субъекта открывается пропасть. Этот субъект предстоит не личному Богу, а несоизмеримому с ним бытию неведомого мира. А ведь это чрезвычайно странное уморасположение: вне мира. Самоотверженное сомнение картезианского «я» выбрасывает его из мира, из собственного тела, из собственной души, его несомненное бытие есть бытие сомнения, то есть бытие не-бытия в мире. Тогда среди аспектов философского уморасположения, примеченных до сих пор, – любовь-дружба, удивление-изумление, восхищение, исповедальное предстояние – открывается еще один: паскалевский ужас, расположение, в котором человек находит себя заброшенным в картезианский мир, всячески несоизмеримый с человеком. Расположение это остается, однако, уморасположением. По известному изречению Паскаля, человек это малая тростинка в безмерной со всех сторон Вселенной, но эта тростинка мыслящая, причем мыслящая методично, добавит Декарт. В лабиринте безмерного мира у человека в руках есть нить метода, которая позволяет превратить чудовищную мощь мира в могущество человека, возможно, не менее чудовищное. Стоит поэтому не забывать, что метод в смысле Декарта это не только метод научного познания и технического овладения, но и методическое сомнение. Именно этой стороной –

сомнением внутри познания – научный метод входит в расположение философского ума.

Еще один оборот философского умораспoложения обнаружен и выдвинут на первый план «коперниканской революцией» Канта. Мысль как бы заметила себя, свое мыслительное устройство, заметила первичность (априорность) собственного расположения и собственного устройства относительно мира. Мы назовем этот аспект или оборот умораспoложения кантовским термином «трансцендентальность». Это значит: мир, каким он является научному познанию, в условиях опытной данности и теоретической разумности, соответственно, условен, а каков он безусловно, остается скрытым от познания, но необходимо мыслимым. Это значит: картина научного мира никогда не есть сам мир, она только набрасывается в горизонте, в идее некоего софийного мира, но идея эта остается регулятивной. Философское внимание располагается как бы между картиной и тем, чего это картина, оно за полотном, держит в уме отличие мира опытного знания (феномен) от другого (ноумен). Рядом с полотном научной картины не трудно будет различить иные трансцендентальные средостения, которые теми же условными конструкциями, что являют мир, иное в нем скрывают. Например, «символический мир» вообще (язык, миф, семиотические структуры), «жизненный мир» трансцендентальной феноменологии…

Мы завершаем наш беглый обзор разных аспектов философского умораспoложения тем, что обращаем внимание еще на одну его особенность, открывающуюся по мере того как человек замечает свою историческую жизнь, а также жизнь в мире разных миров (как бы трансцендентальных софий, можем мы теперь добавить). Гегель первый взял всерьез историческое расположение философского ума. Ум историчен не потому, что мы попали в историю, а потому, что сам «историчен». История входит в его внутреннее расположение, в собственную жизнь. В форме истории философии и только в этой форме, заявил Гегель, мы имеем саму философию. Значит, только теперь, когда прошла (?) история, мы попали в собственное расположение философии. Дело не в том абсурде, будто философия с Гегелем закончилась, прямо наоборот: только получив в истории философии философское образование, философски образовавшись, мы попадаем в то положение, когда можем философствовать так, чтобы предшественникам, среди которых Платон, Аристотель и… не стыдно было.

И последнее. Философию можно выстроить в историю, где каждая система или учение будут «моментами» (говоря по-гегелевски) в истории единого разума, но и здесь философия не так существует, как растущая, развивающаяся наука. Каждый раз, когда можно говорить о существенном философском принципе, основоположении, речь идет о чем-то раз-и-навсегда. Другое основоположение не продолжает,

а начинает заново. Кажется поэтому, что философия вообще несостоятельна: софийный мир, казалось, обретенный, отменяется целиком, стирается губкой с классной стены, и все начинается с начала. Но что если не в принципе-начале, а в начинании с начала и есть вся суть дела?

Положение, которое рождает философскую озадаченность и позволяет мыслить строго философски, это положение у начала, при начале. Направление философской мысли не прогрессивно, а эписторфично, мысль идет вспять, к началу. Сфера начал, их возможность, логика предполагания возможных основоположений, – вот как можно теперь увидеть расположение философского ума. Это не положение над (meta) некоего обобщающего и направляющего надсмотрщика, а положение между (inter), на границах, положение переводчика. Положение ума как места возможного общения разных умов, разных софийных миров, разных сфер, понятых в этом общении на границах как аспекты, грани, обороты целостного опыта бытия.

Иначе говоря, в расположении философии, когда и если таковому находится место и время, настоящий, состоявшийся, всесторонне сбывшийся исторически-эпохальный или само быт но-культурный мир продумывается в его начале как опыт возможного бытия миром, как опыт о бытии.

Киев. 18 марта 2017 г.

Лекция 1
Отвага мыслить

Узнай себя.
(Дельфийский оракул)

Стань самим собой, научаясь.
(Пиндар)

Введение в философию предполагает введение в некоторое общение. Философия отличается от всех других наук тем, что она не может быть изложена. Впрочем, даже если бы я решил изложить ее от начала до конца, то спрашивается, какую именно. Свою собственную? Но вас интересует не моя собственная философия, а философия вообще. У каждого философа некоторым образом своя система и своя школа – что же я буду излагать? Платонизм, аристотелизм, картезианство, Гегеля, Хайдеггера или Деррида – кого? Обычно имеют в виду историю философии, но снова встает вопрос: не превращает ли такое историческое изложение философию в нечто ей вовсе не свойственное, в форму доктрин, учений?

Философская мысль существует в режиме обсуждения, она готова к обсуждению, а не к изложению. Конечно, и тут есть опасность, опасность – превратить философию в такую

«разболтанную болтовню» обо всем вместо того, чтобы внимательно вдумываться в сказанное. Вот и еще парадоксальный поворот той же самой философии: она предполагает свободные разговоры, свободную возможность отвлечься, а вместе с тем нет ничего более важного, ценного и значимого в философии, чем вдумчивость, внимательность, сосредоточенность. Опять две стороны, которые с трудом соединяются.

Как бы там ни было, а ситуация разговора, расположения людей к разговору, обсуждению, – это вообще стихия мысли, для философии же, что вода для рыбы. Так что пускай мы будем рисковать тем, что провалимся в эту «разболтанную болтовню», но все-таки не будем превращать это в изложение каких-то максим, каких-то суждений, утверждений, исходящих от меня и вами только регистрируемых. Это антифилософский подход к любой философской теме. Философия не может так существовать.

> [Поэтому не надо стесняться вопросов под тем предлогом, что они, дескать, глупые. Глупых вопросов не бывает, а бывает только глупое самомнение, а именно – когда я думаю, что я знаю, а на самом деле не знаю. Философия, как известно, изобрела, придумала и сочинила огромное количество всяких терминов: «субстанция», «трансценденция», «трансценденталия», а нынче вообще какие-то «складки», «подписи» и так далее. Так вот, как только я по неосторожности употреблю слово, которое вам

неизвестно, пожалуйста, не стесняйтесь, спросите. А еще лучше, если вы меня самого поймаете на том, что я сказал слово, которое не очень-то понимаю. Это очень плохо, и такими словами говорить нельзя. Не стесняйтесь обнаружить, что вы незнающие, глупые, невежественные. Это гораздо лучше, чем прятать невежество под мнимым знанием.]

Для начала я хотел бы прочитать один текст весьма солидного философа, а именно Платона. По некоторым мнениям, Платон вообще чуть ли не единственный философ, так что всю европейскую философию XX века можно считать не более чем комментарием к Платону. Это конечно же немножко преувеличенно. Европейскую философию можно считать заметками на полях также и к Аристотелю, или к Фоме Аквинскому, или к Декарту и так далее, т. е. философия каждого философа претендует на такую абсолютность – или это не философия. Вот вам еще один парадоксальный поворот.

Отсюда понятно, что занятие философией – это особое занятие, оно не похоже на занятие другими науками. И об этом, в частности, нам говорит Платон. Он говорит это на старости лет, пережив горький опыт. Он всю жизнь хотел не просто философствовать, рассуждать, выяснять, он хотел, чтобы ясность эта на деле прояснила весь мир людей, а это можно было бы сделать, только если будет власть, чтобы всё сделать так, чтобы оно соответствовало мудрости. И вот однажды, как ему показалось, такой случай представил-

ся. Некий тиран пригласил его, сказав, что он готов его философию воплотить в жизнь у себя. Но кончилось всё довольно плачевно. Вернувшись домой, Платон извлек из этого приключения урок по философии – о том, что такое философия, чья забота – истина, благо.

Некоторым образом она противоречит сама себе: она говорит что-то о благе, но само говорение, размышление о благе оказывается гораздо более существенным, чем воплощение этого блага в жизнь. Вот что он пишет… Это «Седьмое письмо» (Платону приписывают несколько писем, некоторые из них многие считают подложными, но то, из которого я хочу прочитать кусочек, практически все историки философии и филологи признают подлинным).

«Вот что вообще я хочу сказать обо всех, кто уже написал или собирается писать и кто заявляет, что они знают, над чем я работаю (*Это он как бы говорит будущим платоноведам и вообще людям, которые думают, что они почитали Платона и теперь знают, что такое Платон, могут прочитать о нем несколько лекций и даже написать книгу…*)[4], так как либо были моими слушателями, либо услыхали об этом от других, либо, наконец, дошли до этого сами: по моему убеждению, они в этом деле совсем ничего не смыслят. У меня самого по этим вопросам нет никакой записи и никогда не будет. (*Как это нет записи? О чем говорит Платон? У*

---

[4] Здесь и далее текст в скобках курсивом внутри цитат – комментарий А. В. Ахутина.

нас, например, издано четыре его тома, а если полнее его издать, то будет, возможно, десять. Почему это нет записи? Что это такое? Теперь смотрите, что он имеет в виду…) (<Это дело>) *(то, чем он занимался всю жизнь, т. е. философия…*) не может быть изречено так, как другие науки, но в результате многих и частых общений и совместной жизни с самим этим делом, внезапно, как свет, будто испущенный выскочившей искрой, оказавшись в душе, уже сам себя питает…» (341D)[5].

Дело философии – не воплощение дела в жизнь, а скорее обратное: всю жизнь обратить в дело философии. В такое дело, которое не может даже быть изложено как результат этого дела в словах. Даже в это – просто в слова – нельзя это воплотить, вот так взять и затем изложить уже написанное. Когда вы изучаете историю философии, в худшем случае по историям философии, а в лучшем случае по текстам философов, помните всегда это предупреждение Платона: философия это не то, что изложено философом в тексте, что можно было бы прочитать, результат положить себе в карман и знать, что Платон это идеализм, а Демокрит – материализм, а Аристотель – это вот о чем. Философия – это то, куда философ вас вовлекает с помощью своего текста. Текст философа – это машина по вовлечению читателя в философию.

Я подчеркиваю, что Платон (теперь я могу опираться на его авторитет) сказал то же самое, что и я, говоря о техниче-

---

[5] *Платон*. Собр. соч. В 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 1994. С. 493 (в переводе автора).

ских условиях наших занятий: для того, чтобы философия жила в своей собственной стихии, она должна возвращаться в разговор, в обсуждение. Возвращение в мысль для философии важнее, чем результат мысли. Я так долго на этом настаиваю потому, что вся наша цивилизация, построенная на науке и технике, приучила нас думать, что результат нашей деятельности – это какой-то продукт, эффект: мы что-то изучили, узнали, воплотили в жизнь и теперь получили от этого результат – машину какую-то или еще что-то. Так вот, и философию мы часто понимаем примерно так же. Поскольку она говорит о каких-то общих вещах, то вот нам и общий результат, мы будем знать, как нам правильно жить, или как устроен мир, или общество. И вот Платон первым говорит, что это не так: правильно жить согласно философии – это значит заниматься философией. Это странный поворот, будто ввести вас в философию – значит увести вас отовсюду. Вот в чем неожиданное отличие философии от всех других наук.

Если бы мы с вами читали этот текст по-гречески, а не по-русски, не в русском переводе – перевод хороший, но он упускает очень многое, потому что упускает и сглаживает семантику греческих слов и контекст речи. То, что здесь переведено как «только тот, кто слил свою жизнь и постоянно занимается этим», передано греческими словами, которые означают не что иное, как супружество, брак. Философия требует отношений типа заключения брака, т. е. верно-

сти ей, как говорится, в богатстве и в бедности, в болезни и в здравии, пока смерть не разлучит нас. Вот этот брачный контракт, клятва, требуется от человека, вступающего в философию.

Это такое этическое торжественное вступление, теперь вернемся на землю.

Итак, вы уже ввели сами себя в философию, вы уже поступили на философский факультет, и мне крайне интересно, куда вы, собственно, ввели себя, что вы имеете в виду, поступив на философский факультет? Поскольку мне это интересно, и я говорю это честно и без каких бы то ни было подвохов, то я обращаюсь ко всем вам со второй нижайшей просьбой. Ответьте, пожалуйста, как вы сами понимаете то, чему вы себя решили посвятить?

Да что там далеко ходить, само название нашей «дисциплины» говорит за себя: философия… Вы уже знаете, что оно состоит из двух греческих слов – φιλία и σοφία, мы переводим «любовь» и «мудрость». Слово «филия» мы разберем по косточкам, потому что оно очень яркий свет проливает на само это занятие. Вы видите: есть психология, есть языкознание, есть история, есть в естественных науках зоология, физика и так далее, но никто из них не называет себя любовью. Казалось бы, и математик обязан любить математику, иначе какой же он будет математик. Впрочем, есть еще одна наука – филология. Странное слово. Мы легко понимаем ее как науку, у нее есть свои начала, свои принципы, свои

законы, свои теоремы и так далее, но мы уже не слышим, что филология – это любовь к речи, слову, даже букве, она такая же «-логия», как «социология», «физиология». Однако что-то в филологии неприметно все еще переплетается с философией. Да вот и сейчас, занимаясь словом «философия», мы философией или филологией заняты? Заметим на будущее: философия и филология очень друг с другом связаны.

С какой-то стороны и математика близка к философии, недаром тот же Платон на вратах своей Академии, говорят, написал: «Не геометр да не войдет» – т. е. введение в философию, по Платону, предполагает прохождение курса математики. Но мы через математику в философию не пойдем, потому что мы слишком слабы, и у нас, как мы выражаемся, нет времени. Хотя нам Платон, основатель европейской философии, громогласно заявил: без математики там нечего делать… Ну ладно, надеемся, мы как-нибудь обойдемся, в конце концов, философия гуманитарная наука. Платон просто не знал такого разделения наук.

Словом, введение в философию, в «филию» – что-то чрезвычайно особое и странное. Наряду со странной «филией» здесь ведь еще и не менее странная «софия». Мы переведем ее «мудрость», но кто из нас скажет, что такое мудрость? О математике, физике, музыке и так далее – обо всем мы можем что-то сказать, но что есть мудрость? Во всяком случае мы знаем, что это что-то такое всеобъемлющее и умное. С другой стороны, «филия» – это наше собственное отноше-

ние к этому всеобъемлющему. Слово «философия» сразу же показывает, что речь идет о не коем взаимоотношении: во-первых, о чем-то моем глубочайшем, интимном (что может быть интимнее любви?), и, во-вторых, это интимность по отношению к чему-то всеобъемлющему, мне не принадлежащему, как мудрость. Это сочетание чего-то глубочайшим образом моего и вместе с тем чего-то всеобщего, всеобъемлющего показывает нам еще одну сторону философии.

Обучение философии предполагает особый переворот внутри вас, который одновременно есть тот переворот, который нужен для философии. Более того, для этого переворота также нужна и философия. Эту связь я подчеркну с помощью еще одного весьма авторитетного и общезначимого философа – Иммануила Канта. Однажды, в конце XVIII века, он маленькой статейкой ответил на вопрос «Что такое просвещение?». Трудно увидеть связь возвышенного понятия «мудрость» с более для нас привычным и простым словом «просвещение». Впрочем, мудрость, если мы ее приблизительно поймем как что-то всеобъемлющее, традиционно связывалась с метафорой света, освещения: мы ходим как бы в потемках, в путанице смутных вещей, но к ним есть некоторый подход, когда они освещаются, когда восходит солнце, и туман расходится, и мы вдруг видим отчетливо и ясно все вещи. Мы не замечаем света, мы видим вещи в этом свете и мы видим их отчетливо. Так вот, можно провести такое сравнение: разные науки занимаются разными предметами, они

отчетливо видят свой предмет: кто жизнь, кто физику, кто экономику, но для того чтобы любой ученый мог заниматься своим предметом, он должен этот предмет видеть отчетливо – это во-первых, и во-вторых, мы должны понимать, что все эти предметы существуют в одном мире, который должен быть ясно освещен, чтобы каждый предмет был отчетливо виден и им можно было заняться.

Философия занимается оптикой этого света, а лучше сказать, даже не оптикой, а источником этого света, в котором каждая вещь и всё в мире становится отчетливым и им можно заниматься. Значит, мудрость и просвещение связаны друг с другом хотя бы как метафоры. Просвещение вообще, а не обучение только определенной науке, некоторая просвещенность, некоторое состояние человека в его отношении к миру в целом. Мы должны эти два слова услышать так, чтобы одно другое поясняло. Мы будем понимать просвещение не в узком смысле слова, как характеристику определенной эпохи, которая давно уже закончилась, или как «Министерство народного просвещения», а в горизонте этой самой мудрости, а мудрость мы будем понимать с подсказкой слова «просвещение»: мудрость это некоторое просвещение, освещение, высветление, выявление всего в целом и каждого в отдельности.

Так вот, Кант отвечает на вопрос «Что такое просвещение?» (1784): «Просвещение – это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по

собственной вине»[6]. Эта первая фраза мне сейчас пока и важна.

Вы входите в философию, такую «специально неспециальную» науку, в мысль, просвещающую, освещающую, и Кант обращает наше внимание на совершенно особое обстоятельство. Это означает, что вы должны расстаться с тем, что вас поддерживало, но и ограничивало, вы должны войти в собственное совершеннолетие. Вы становитесь совершеннолетними не по возрасту и паспорту, а по тому, куда вы вошли – вы себя вводите в совершеннолетие или, если соотнести с философией: философское мышление требует от человека совершеннолетнего самостояния и само есть форма совершеннолетней мысли. Мне бы хотелось это несколько подчеркнуть. Что, собственно, это значит? Кант говорит о несовершеннолетии человека, «в котором он находится по собственной вине», т. е. до некоторых пор человек несовершеннолетен, и он несовершеннолетен не по собственной вине, а по обстоятельствам своего возраста и так далее. А есть такое событие, после которого человек, если он остается несовершеннолетним, то по собственной вине. Что же это такое – совершеннолетие? Сейчас нам Кант объяснит, а я пока задержусь вот на чем.

Несовершеннолетний человек находится при ком-то: при родителях, при учителях, при взрослых – он не живет сам, он

---

[6] *Кант И.* Ответ на вопрос: Что такое просвещение? // *Кант И.* Соч. в шести томах. Т. 6. – М.: Мысль, 1966. С. 27.

при-живает, он живет при и под чьим-то надзором, он поднадзорен, и о нем пекутся – так или иначе, плохо или хорошо, – хотя бы и его собственная компания во дворе. Есть мир взрослых и мир детей, и это далеко не только социальные отношения, а несовершеннолетие человека – это его внутреннее состояние, в котором он норовит остаться, и это стремление вменяется ему в вину. Стать совершеннолетним – значит отпустить руку, понять, что я стою на собственных ногах, и никто обо мне заботиться не должен.

Ради разрядки напряженности прочитаю вам один стишок замечательного детского поэта Григория Остера. Вот один его вредный совет: «Если не купили вам пирожное / и в кино с собой не взяли вечером, / нужно на родителей обидеться / и уйти без шапки в ночь холодную, / но не просто так бродить по улицам, / а в дремучий темный лес отправиться, / там вам сразу волк голодный встретится, / и конечно быстро вас он скушает – / вот тогда узнают папа с мамою, / закричат, заплачут и забегают, / и помчатся покупать пирожное, / и в кино возьмут с собой вас вечером». Вот вам инфантильные отношения себя как бы самостоятельного с взрослыми, которые, даже когда тебя съест волк, все-таки оттуда каким-то образом извлекут и пойдут с тобой в кино.

Это шутка, а если говорить серьезно, то та опасность, которая возникает в этом самом переходе, состоит в привычке быть несовершеннолетним, только теперь уже по собственной вине. Она сказывается совсем в другом, уже не в та-

ких наивных положениях, а вот в чем. Эти самые темные леса или улицы здесь, они опасны, но есть же огромное количество всяких интересных вещей… Возраст, в который вы вступаете, состоит в том, что вы открываете весь мир – нет больше запретных мест, поступков. Несовершеннолетнее сознание, однако, втайне надеется, что мы можем двигаться в эти запретные места, но кто-то вовремя нас поймает и выхватит. Я попробую немножко наркотиков, потому что есть же взрослые, которые меня вовремя спасут. Так вот, совершеннолетие начинается с того момента, когда я понимаю: никто меня ниоткуда не выхватит – всё, теперь я веду свою собственную жизнь сам и отвечаю за нее по полной. Отвечаю, – даже если не попаду под суд, даже если останусь жив, – я сам.

Вот это понятие «самости» – одно из фундаментальных философских понятий. Это не какой-то природный дар, его надо открыть, этого «самого», его надо воспитать, его надо героическим трудом в себе культивировать и содержать, иначе мы не «сами», иначе мы вот эти самые приживалы, или, чтобы сказать совсем уже сильным греческим словом, паразиты. *Σῖτος – это питание, хлеб, а παρά* это рядышком. Паразит это тот, кто питается рядом с другим: другой зарабатывает, охотится, а при нем есть некто, кто паразитом называется. Это сильное слово, а мы оставим слабое слово: приживал. Так вот, это самое совершеннолетие – это отказ быть приживалом, жить при ком-то. Только после этого возможны взрослые, или совершеннолетние, отношения друг с дру-

гом, когда я не буду уже от другого требовать, чтобы он держал меня в жизни.

Совершеннолетие есть необходимое условие для того, чтобы понимать смысл философии. Невозможно преподавать философию людям, которые внутренне несовершеннолетние. Это должны быть люди, открытые к самим себе. Невозможно преподавать философию насильно, невозможно ее выучивать как бы «для того чтобы», а не ради нее самой – все эти традиционные классические формы обучения, к которым привыкают в школе, т. е. всякая школярская форма обучения – это форма обучения инфантильных людей. Помимо обучения конкретным предметам, вас обучают быть инфантильными, оставаться несовершеннолетними: готовить уроки, чтобы родители или учителя не ругались, читать книги, чтобы производить впечатление знатока… Я хотел бы с самого начала разрушить это взаимоотношение.

Продолжим нашего Канта. Он объясняет, что несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим умом без руководства со стороны кого-то другого. Пользоваться свои умом – т. е. жить по собственному разумению. Несовершеннолетие по собственной вине – такое, причина которого заключается не в недостатке ума, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого. Трусость – вот исток и почва несовершеннолетия-по-своей-вине. Мы боимся жить по собственному разумению. Это, конечно, вещь довольно двусмысленная, по-

тому что одно дело бояться, а другое дело не знать, как. Хотя я обладаю своим умом и я могу им разуметь, но он еще не развит, я многого не знаю, вся жизнь для меня – темный лес, где бродят серые волки, и как же я там буду жить по собственному разумению без руководства со стороны других?

Разумеется, речь не идет о том, чтобы плюхнуться в эту жизнь по собственному разумению как в воду, а в том, чтобы просто направить сюда намерение, внимание, стремление – в сторону жизни собственным разумением. Только здесь живет философия, потому что философия – не что иное, как предельное развертывание ума, который не просто умеет жить своим разумением, но который вдумывается в это, освобождаясь от предрассудков и недо-разумений, умея ориентироваться среди множества мнений, взглядов, точек зрения. Мы спрашиваем, что, собственно, значит разуметь? Почему так, а не иначе? Почему это разумно (=понятно, ответственно…)? А вот потому-то и потому-то. Строятся огромные и сложные системы, где будет рассказано и о мире, и о человеке, но прежде всего выяснено, что значит ответственно понимать (=разуметь), чтобы эти рассказы сами отвечали за рассказанное. Вот почему разуметь – значит жить своим собственным (продуманным) разумом, т. е. быть самим собой, стать «самостью».

Кант дает нам одну из таких заповедей, находя у поэта Горация изречение: «Sapere aude!» – «Отважься думать!». Наряду с платоновским «не геометр да не войдет», это точно

надо написать на вратах философии. Мы можем сказать даже больше, что философия – это и есть отвага думать, взятая всерьез и до конца, потому что отваживаемся думать мы все, хотим или не хотим – приходится думать, а вот если взять эту отвагу до конца, то – «мудрец отличен от глупца, тем что он мыслит до конца». Вот это и есть предельная отвага думать.

Из страстных философов один из наиболее интригующих и «зацепляющих» – Ницше. Для него отвага думать до конца там, где это думание приводит не просто к разрыву с родителями, а к разрыву с традицией, к разрыву с отечеством. И Александр Иванович Герцен говорил о «геройстве консеквентности», т. е. последовательности следования: если А, то В, и хотя В это неприятно, страшно, может быть даже убийственно для меня, но я должен сказать это В, потому что мысль заставляет, она имеет принудительную силу. Так вот, отважься думать, таков, следовательно, девиз просвещения. Вот ответ на вопрос «Что такое просвещение?» по Канту, философу просвещения.

Не всякая мудрость есть то просвещение, о котором говорит Кант, не всякая мудрость есть то просвещение, философом которого был Кант, то есть этой самой эпохи в истории европейской культуры, но всякое просвещение имеет характер мудрости, и всякая мудрость имеет характер просветительства в смысле освещения той мыслью, которая отваживается дойти до источника света. Теперь я хочу сделать оговорку на полях относительно этого высказывания Канта. Ре-

шимость и мужество жить по собственному разумению это поступок, конечно, необходимый, но далеко не достаточный, потому что решимость есть, а разума еще нет. Целая философия должна быть, чтобы разум появился.

Простите, я слишком рано расстался с Кантом. Кант разъясняет: «Для этого просвещения (*т. е. для отваги думать*) требуется только свобода, и притом самая безобидная, а именно свобода во всех случаях публично пользоваться собственным разумом»[7]. Тут важно подчеркнуть это «публично пользоваться», т. е. рассуждать, говорить другим и слушать других. То есть не просто мое собственное рассуждение с самим собой, что безусловно первое, а публичность мышления, мышление как социальный институт – вот что такое просвещение.

«Но вот я слышу голоса со всех сторон: не рассуждайте! Офицер говорит: не рассуждайте, а упражняйтесь! Советник министерства финансов: не рассуждайте, а платите! Духовное лицо: не рассуждайте, а верьте!»[8] И мы бы с вами сейчас легко приплюсовали бы к этому списку еще уйму разного рода людей, которые нам говорят «не рассуждайте, а делайте вот так-то». Авторитеты – а ведь за авторитетом что стоит: офицеры – это армия, министр финансов – это государство, духовное лицо – это церковь, религия, т. е. это то, что называется институтами государства. Вот общество со-

---

[7] *Кант И.* Ответ на вопрос: Что такое просвещение? С. 29.

[8] Там же.

держит в себе помимо прочих институтов и обстоятельств такие утвердительные институты, которые говорят «не рассуждай, а делай». И это его собственное право, без этого государство не стояло бы. Но считать, что его директивы есть директивы моей собственной жизни, это оставаться инфантильным, оставаться несовершеннолетним, только уже не по отношению к родителям или просто взрослым, а по отношению к государству. Это, к большому сожалению, привычка наших с вами соотечественников. Это следование директивам: скажите нам, как надо, и мы будем слушаться… Важно одно: тем самым эта отвага думать, умение жить своим разумом, а главное – публичность рассуждения, ликвидируются. Ликвидируются люди как самостоятельные существа, как вменяемые граждане.

Теперь продолжу. «Осмелься публично думать собственным разумом», – говорит Кант. Другой великий философ, живший после Канта, Гегель, предостерегает: «Следовать собственному убеждению, конечно, лучше, чем полагаться на авторитет; но превращение мнения, основанного на авторитете, в мнение, основанное на собственном убеждении, не обязательно приводит к изменению содержания его и к замене заблуждения истиной. Придерживаются ли системы мнений и предрассудков потому, что полагаются на авторитет других, или потому, что исходят из собственного убеждения, разница здесь лишь в тщеславии, присущем послед-

нему способу»[9].

Гегель подчеркивает, что дело не в том, сам ли ты положил эти прочнейшие основания своего собственного поведения или от кого-то заимствовал, важно, что и там и там они имеют характер директив. Да, я пришел с системой убеждений, моих собственных убеждений, это я их выработал – я думал, нашел и теперь я могу больше не думать. Я нашел, как всё объяснить, как быть, я нашел ключ к решению всех вопросов. Тут мышление прекратилось, прекратились поиски самого себя, хотя я вроде бы живу только по собственным убеждениям, но поскольку я могу больше не требовать от себя отваги мышления, сомнения в своих собственных убеждениях, открытия неясностей, всё это устраняется ради того, чтобы быть самим собой, как кажется, потому что я являюсь самим собой лишь в той мере, в какой держусь своих собственных убеждений. Опять мы держимся за какую-то штанину или юбку, только она нами самими сделана, а не кем-то нам подсунута. Эта самая отвага мышления требует от нас большего, чем просто быть самим собой во что бы то ни стало. Парадокс в том, что «человек убеждений» отказывается от отваги мысли, а потому и самим собой пренебрегает, ему жизнь по своим собственным убеждениям важнее бытия самим собой без поддержки этих убеждений.

Я прочитаю еще одну фразу из Канта, относящуюся к это-

---

[9] *Гегель Г. В. Ф.* Феноменология духа // *Гегель Г.* Сочинения. Том IV. – М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959. С. 44–45.

му сюжету. Кант тоже читал лекции, и должен был составлять программы. В одной из них он написал: «Математике и историческим наукам научить можно – в этих сферах есть нечто данное, как бы требующее только усвоения. Научение либо в памяти, либо в уме запечатлевает то, что может быть нам предложено как некоторое уже готовое. В философии такой готовой дисциплины нет и не может быть. Философ не знаниям (*я добавлю: не учениям, не доктринам…*) должен учить, но мыслить. Такого способа обучения требует сама природа философии. Окончивший школу юноша привык учиться, он думает, что будет учиться философии, но это невозможно, так как теперь он должен учиться философствовать»[10].

А что это значит – философствовать? Еще «жить своим собственным разумом» нам казалось понятным. А вот философствовать – этого я уже не знаю. А Кант еще добавляет в лекциях по логике: «В известном смысле можно философию изучать и не быть способным к философии. Кто хочет стать философом в собственном смысле, тот должен научиться свободному, а не одному лишь подражательному и механическому применению своего разума. Вообще нельзя назвать философом того, кто не может философствовать. Философствовать же можно научиться лишь благодаря упражнениям

---

[10] *Кант И.* Уведомление о расписании лекций на I полугодие (1765 / 66). // *Кант И.* Соч. в шести томах. Т. 2. С. 281.

и самостоятельному применению разума»[11].

Где мы впервые получаем уроки философствования, как нам изучать философию, чтобы философия нас учила философствовать? «Кто хочет научиться философствовать, тот все системы философии должен рассматривать лишь как историю применения разума и как объект для упражнения своего философского таланта»[12]. Я беру философию Платона, и усилие мое направлено не на запоминание к экзамену, что он говорит, чему учит, а на философствование: как Платон думает, когда говорит то, что говорит? Вот передо мной философствование Платона, пример самостоятельного употребления разума. Вот что значит разуметь самостоятельно – это значит научиться со-философствовать с Платоном, ни больше ни меньше. Я хочу учиться у Платона не потому что у него есть «идеи», а потому что я хочу увидеть, как он к этому пришел, пройти с ним путь, ведущий к «идеям». Как Платон двигался к этим своим идеям, если он пришел к ним? Как Платон мыслит свои идеи? Вот что гораздо более важно, чем то, чему он там в конечном счете учил.

Мы помним, что нам сказал сам Платон: «Нет у меня никаких записей; всё, что вы читаете, это только провокация для вашей собственной мысли, чтобы вы вместе со мной во-

---

[11] *Кант И.* Логика // *Кант И.* Трактаты и письма. М., 1980. С. 330. См. аналогичную мысль в «Критике чистого разума» (*Кант И.* Соч. в шести томах. Т. 3. С. 683).

[12] *Кант И.* Логика. Указ. соч. С. 333.

шли в эту жуткую магму, лаву мысли. А результат мысли – это всё равно, что в этой магме плавают куски уже остывшие, остывшая лава вся превращается в какую-то пемзу, это и есть результат». А написано это Платоном для того, чтобы мы вернулись обратно в это движение, в эту жуткую работу, в мыслящий труд. Это первое, и второе – это то, что я сам читаю философскую систему Платона, Аристотеля или Гегеля только как пример того, как можно самостоятельно думать. Эта мысль действительно самостоятельна, потому что она показывает, что (и как) она стоит на себе, а не опирается на что-то постороннее. Вот в свете этой мысли, стоящей сама по себе, всё открывается таким же образом: как стоящее (живущее, строящее, мыслящее) само по себе. Это пример того, как можно мыслить, пример самостоятельного применения разума. Платон, Аристотель и так далее – это не системы, а это упражнения. Изучать их значит упражняться в собственном понимании.

Мы с Кантом видели, что тема просвещенности чрезвычайно важна для понимания смысла философии. Философствование связано с совершеннолетием, т. е. с умением пользоваться собственным разумом. Кант нам говорит, что изучение философии значимо для нас не столько потому, что мы, изучая философию, узнаем, какие были взгляды на мир, человека, Бога и так далее, составляем из этого каталог, распределяем всё по полочкам. В действительности мы как бы-

ли при своем, так и остались – потому что мы не научились думать, не увидели в этих хранилищах мысли самой мысли. Мы посчитали, что там хранятся не мысли, а разного рода взгляды, тогда как начиная с Платона, заканчивая Гуссерлем и Хайдеггером, философы нам будут постоянно говорить одно и то же: у философии никаких взглядов нет. Там, где есть взгляды, там нет философии – есть мнения, есть разного рода учения и так далее, а философии нет. Где есть философия, там взгляды начинают превращаться, двигаться куда-то и так далее.

Это самое и показывает, что перспектива изучения философии только тогда осмысленна, т. е. только тогда она философская, когда мы понимаем, чего мы от нее хотим, чего от нее ожидаем – иначе зачем этим заниматься? Однако не совсем понятно, что это значит – не слушаться просто авторитета, не держаться директив, а самому разуметь. Но по меньшей мере ясно, что философия не может подходить к мудрости как к авторитету – авторитету традиции, долга, времени и так далее. Пока я каким-то образом не воспроизвел эту самую мудрость сам, до тех пор она, пускай и мудрая, но остается для меня бесполезной. Стало быть, исходная позиция, в которую должен встать человек, приступающий к философии, это вот такая отстраненность от авторитетов. И прежде всего от авторов-авторитетов – это ведь одно и то же слово.

Тот же Платон, относительно которого вся европейская философия написана на полях, если только посредством

Платона я собираюсь войти в философию, обращен ко мне своей работой философствования, понимание его философии измеряется не знанием, на какой странице, где что у него написано, а только мерой со-философствования. Со-философствовать с Платоном, конечно, чрезвычайно возмутительная претензия, но ведь вот в чем вопрос: авторитетность Платона и Аристотеля закреплена и воспроизводится в историях философии, но авторитетны они только потому, что вновь и вновь пробуждали оригинальную философскую мысль – иную, перечащую (уже для Аристотеля, ученика Платона, «идеи» учителя что-то вроде «чириканья» и с ними лучше проститься), отвергающую, но – философскую.

Есть другая сторона дела (этого же дела), которая от нас скрывается, а именно: было бы полбеды, если бы все эти философские авторитеты, все эти директивные инстанции от духовников до родителей располагались только вне нас. Но таких диктаторов полно в нас самих. Наши взгляды, которые неизвестно откуда в нас образовались (кажется, что это мой взгляд, а на самом деле дворового авторитета), те же убеждения, неизвестно, откуда взявшиеся… А потом – требования социального положения, престижа, уважения, то есть завоевывание собственной авторитетности… увлечения, желания, нужды… настроения, переживания… да мало ли что еще. Все толпится со своим диктатом у порога сознания.

Очень часто мы говорим, что быть самим собой и свободным человеком – значит делать то, что моя левая нога захо-

чет. Но левая нога – это не я, правда? У меня, например, есть еще правая нога, она тоже может чего-то хотеть, и при этом чего-то другого, и еще масса всяких вещей во мне, каждая из которых может что-то хотеть: одна хочет есть, другая хочет лекцию слушать, третья хочет потанцевать или еще что-то. И все это во мне. Спрашивается, когда мне говорят: ты же совершеннолетний, следовательно, ты должен руководствоваться собственным разумом, по меньшей мере осознать самого себя в качестве себя – вопрос, в качестве кого? Где я сам? Это моя левая нога, или правая нога, или я-авторитет среди друзей, или я-субъект своих социальных ролей, или я-профессор… где таится этот «я сам»? Тем более что все эти «я» влекут меня в разные стороны.

В связи с этим на вратах философии значится еще один девиз, или завет: «γνώθι σαυτόν», «Узнай самого себя». Смысл этой заповеди состоит в том, чтобы найти, где ты сам, кто ты сам. Где ты, который может сказать: это *моя* левая нога, это *моя* правая нога, это *мой* авторитет, это *мой* престиж? Мое – то есть чье? Где это? Где мы находим то, чему всё принадлежит? Стало быть, есть не только множество влияний и воздействий, определяющих нас так или иначе, но мы не знаем, где мы сами, и не знаем даже, куда смотреть, где искать эту «самость».

Платон в одном из диалогов под названием «Алкивиад» подходит к этому вопросу и задает еще более основательный. Мы сможем ответить на вопрос, где человек (два во-

проса: что такое человек вообще и что такое я сам, единственный? Как связана моя единственность с моей общностью?), где «самость» человека, если мы предварительно ответим на еще более фундаментальный вопрос. Суметь увидеть этот еще более фундаментальный вопрос – это одно из упражнений философского *обращения* ума. Это обращение ума требует от меня знать, о чем я спрашиваю, спрашивая о человеке или о столе? Я спрашиваю о «самом», только уже не относительно человека, а о том, что это такое – «само»? Платон в «Алкивиаде» делает этот шаг, и за этой заповедью «узнай самого себя» надо сначала узнать, что такое «αὐτὸ τὸ αὐτό» – «само само». А что такое «само само»?

Это вопрос собственно философского свойства. Философский вопрос сам на себя направлен. Это собственно философский характер постановки вопроса. Это очень интересное выражение: «αὐτὸ τὸ αὐτό», «сами́ое само». Этот вопрос подсказывает нам, что незачем искать в нас наличных, которые есть, это самое само, потому что оно от нас самих скрыто – его нужно еще узнавать, его нужно еще искать, до него нужно еще каким-то образом добираться. Как это ни странно, вся эта огромная философия в частности, помимо всего прочего, и есть путь поиска самого себя – вот насколько она серьезна и важна. Это есть путь и способ поиска самого себя – и как человека, и как вот этого единственного. Каждый находит себя в той мере, в какой он философствует.

Нам скажут, конечно: что вы такое сделали из философии,

каждый человек есть уже человек, даже когда он философией не занимается, и что же вы из себя сделали таких прямо «человеков для человеков»? И что мы на это ответим? Я тут, пожалуй, прервусь.

Разве что еще один небольшой эпизод из платоновского «Протагора», где Сократ (герой почти всех диалогов Платона) встречается с юношей, идущим к мудрецу изучать мудрость. Вообразите себе, что вы идете поступать на философский факультет и по дороге вас встречает Сократ и спрашивает, куда это вы идете. Мы идем поступать на философский факультет. Как это прекрасно, но кем же вы собираетесь стать, изучив философию? Вы не понимаете вопроса, и он поясняет. Предположим, вы бы шли на физический факультет, или на факультет языкознания, тогда всё понятно – вы будете изучать языки, как язык устроен. Кстати сказать, вот еще один живущий в нас самих организм, который постоянно вмешивается в нашу мысль – буквально как в фильмах ужасов, где какие-то чудовища проникают в человека и притворяются им. Без языка мы слова не скажем. У него есть история, меняются значения. Я говорю одно, а меня могут услышать совсем иначе. Слушающий мои слова понимает их по-другому, слышит не то, что я хотел сказать. Что это? Просто такой подвох языка.

Вот вам еще одно «существо» наряду со всякого рода авторитетами, которое вмешивается в нашу мысль. У философов очень сложные отношения с языком. У них нет како-

го-то искусственного языка, как у математиков – есть треугольник, и он определен так, что никто не может сказать, что он есть что-то иное. У философов нет таких идеальных предметов, у них есть обыкновенные слова, которые они должны определять, но чем они их определяют? Вот еще одна ловушка: мы определяем значение слова другими словами, которые сами в свою очередь нуждаются в объяснении.

Так вот, если бы вы изучали языкознание, вы изучали бы устройство языка, его соотношение с мыслью и прочее. Но вы идете изучать философию – кем вы собираетесь стать? Преподавателем философии? Но преподаватель философии, преподающий историю философии, он сам философ или нет? Положим, что нет. А может ли, например, не математик преподавать историю математики?.. Или как если бы я учился музыке, а мне бы показали инструмент, но как на нем играть не показали. Но предположим, что я все-таки иду учиться философии, чтобы стать именно философом, а не только преподавателем философии. Тогда спрашивается, чему собственно я буду учиться? Предполагается, что есть такие существа – философы, которые делают какое-то собственное дело, которому мы идем учиться. Художник научит рисовать, композитор научит аккомпанировать, сапожник научит делать сапоги. Чему научит философ? Философ претендует на то, что он специалист по мышлению. Однако мы мыслим все. Мышление – то, в чем нуждается каждый. Вот это говорили греческие софисты буквально: они не специалисты в

каких-то делах, но вот как думать и говорить везде, где люди думают и говорят, они утверждали, что знают и могут научить.

Итак, некий юноша по имени Гиппократ прибегает ранним утром к Сократу и зовет его идти слушать мудреца-софиста. Сократ спрашивает: вот этот софист, в чем же он мудр? А мудрость по-гречески помимо всего прочего это мастерство, это умение что-то сделать. Он мудр, отвечает Гиппократ, в том, что он говорит обо всем, его искусство состоит в искусстве говорения. О чем говорит музыкант? О музыке. А о чем говорит софист, какова его *специальность?* Софисты греческие, чтобы не обливать их грязью, занимались грамматикой, риторикой, логикой – средствами говорения и мышления независимо от их применения. Если моя задача не выяснить истину, как у Платона с Сократом, а оспорить, стать победителем в споре, то нужно идти к софисту, он гораздо лучше научит это делать, чем Сократ.

Заканчивается этот эпизод тем, что Гиппократ не может сказать, в чем же специалист этот софист. А между тем он говорит важную вещь, что софист хороший учитель в смысле такого общего образования, по-гречески παιδεία («пайдос» – ребенок, «пайдейя» – воспитание, отсюда «педагогика»). Так вот, он никого ни в какие специальности не посвящает, но дает общее образование, которое прилично свободному человеку, потому что каждый специалист становится своего рода ремесленником, а вот свободный человек ни во

что не входит специально, а во всем немножко просвещен. Это и есть общее образование, и софист этим занимается.

Таким образом, говорит Сократ [Гиппократу], он как бы формирует твою душу, т. е. не глаз, не слух, а душу – всё в целом. Кстати, вот это слово *душа* – первый намек на то, что такое я сам… Он формирует твою душу, но как он это делает и чему именно тебя обучает, тебе неизвестно. «Знаешь, какой опасности ты собираешься подвергнуть свою душу? Ведь когда тебе бывало нужно вверить кому-нибудь свое тело и было неизвестно, пойдет ли это на пользу или во вред, и ты сам немало раздумывал, вверять его или не вверять, и друзей и домашних призывал на совет и обсуждал это дело целыми днями. А когда речь зашла о душе, которую ты ведь ставишь выше, чем тело, потому что от того, будет она лучше или хуже, зависит, хорошо или дурно пойдут все твои дела, ты ни с отцом, ни с братом и ни с кем из нас, твоих друзей, не советовался, вверять ли тебе или не вверять свою душу этому пришлому чужеземцу (*а софисты странствовали из города в город, давая свои уроки за плату*). Лишь вчера ввечеру, по твоим словам, услыхав о нем, ты уже сегодня идешь спозаранку, не поразмыслив и не посоветовавшись о том, нужно ли вверять ему себя или нет, и сразу готов потратить и собственные деньги, и деньги друзей, как будто ты уже дознался, что тебе нужно непременно сойтись с Протагором, которого, как ты говоришь, ты и сам не знаешь и не разговаривал с ним никогда. Ты называешь его софистом,

а что такое софист, оказывается, совсем не ведаешь, хоть и собираешься вверить себя ему» (313А)[13]

[13] *Платон*. Собр. соч. В 4 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1990. С. 422–423.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.